

Литература:

1. Уголовное право. Общая часть : учебник / Н. А. Бабий [и др.] ; под ред. В.М. Хомича. – Минск : Тесей, 2002. – 496 с.
2. Курс уголовного права : в 5 т. / Моск. гос. ун-т ; под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. – М. : Зерцало-М, 2002. – Т. 1 : Общая часть. Учение о преступлении / Г. Н. Борзенков [и др.]. – XII, 611 с.
3. Марчук, В. Торговля людьми (уголовно-правовой анализ и квалификация) / В. Марчук // Суд. весн. – 2002. – № 4. – С. 41–45.
4. Уголовное право. Особенная часть : учеб. для вузов / Т. И. Ваулина [и др.] ; отв. ред.: И. Я. Козаченко [и др.]. – М. : Инфра-М : Норма, 1997. – 768 с.
5. Панкратов, В. В. Уголовно-правовая охрана личной свободы : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / В. В. Панкратов. – Екатеринбург, 1999. – 155 л.

УДК. 343.366

КВАЛИФИКАЦИЯ ПРИОБРЕТЕНИЯ ПРАВА НА ИМУЩЕСТВО ПУТЕМ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМИ ПРАВАМИ

*Л.В. Лобанова,
доктор юридических наук профессор,
Волгоградский государственный университет,
(Российская Федерация)*

Отправной точкой для обсуждения проблемы, озвученной в названии доклада, является рекомендация, содержащаяся в абзаце 2 п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 года № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате». Здесь говорится: «Если мошенничество совершено в форме приобретения права на чужое имущество, преступление считается оконченным с момента возникновения у виновного юридически закрепленной возможности вступить во владение или распорядиться чужим имуществом как своим собственным (в частности, с момента регистрации права собственности на недвижимость или иных прав на имущество, подлежащих такой регистрации в соответствии с законом; со времени заключения договора; с момента совершения передаточной надписи (индосамента) на векселе; со дня вступления в силу судебного решения, которым за лицом признается право на имущество, или со дня принятия иного правоустанавливающего решения уполномоченными органами власти или лицом, введенными в заблуждение относительно наличия у

виновного или иных лиц законных оснований для владения, пользования или распоряжения имуществом)» [1].

Отвечая на вопрос о том, с какого момента может быть признано оконченным мошенничество, совершаемое в форме приобретения права на имущество, высший судебный орган России в данном абзаце упомянутого Постановления в то же время определил свою позицию и по другой проблеме правоприменительной практики. Речь идёт о квалификации умышленных действий лиц, выступающих стороной в гражданском или арбитражном процессе, направленных на введение вершителей правосудия в заблуждение, результатом которых является признание за лицами права на имущество. Надо полагать, Пленум Верховного Суда РФ подобные действия склонен считать мошенничеством. Во всяком случае именно такой вывод был сделан многими представителями научной общественности, комментирующими приведённое положение [2, с. 14; 3, с. 91; 4, с. 314]. Однако далеко не все исследователи признают бесспорной допустимость уголовно-правовой оценки приобретения такого рода способом права на имущество как мошенничества. Так, С. Петров, в целом разделяя точку зрения изложенную в указанном Постановлении Пленума Верховного Суда РФ, сетует на то, что после появления данного интерпретационного акта, некоторые судебные органы не усматривают признаков мошенничества в том случае, когда в заблуждение вводится именно суд. В целях коррекции правоприменения названный автор предлагает уточнить суть мошенничества, показанную Пленумом в п. 1 того же Постановления, прямо указав на суд как на один из органов власти, которые «передают имущество или право на него другим лицам либо не препятствуют изъятию этого имущества или приобретению права на него другими лицами» [5, с. 43].

В свою очередь отдельными теоретиками вовсе отрицается правильность разделяемой Пленумом Верховного Суда РФ такой трактовки мошеннических действий, при которой обманутым (обманиваемым) в этом преступлении может выступать не только собственник либо владелец имущества, но и другое лицо, уполномоченное осуществлять в отношении такового [имущества] юридически значимые действия. Так, некоторые учёные обращают внимание на то, что при мошенничестве приобретение вещи, права на имущество осуществляется с разрешения потерпевшего [6, с. 65; 7, с. 9].

Свойство мнимой добровольности передачи потерпевшим (или иным владельцем) имущества или права на него как обязательный атрибут мошенничества отмечают не только современные авторы [7, с. 42; 8, с. 17]. Ещё И.Я. Фойницкий, характеризуя мошеннический обман, подчёркивал, что он направлен на то, чтобы потерпевший сделал опреде-

лённое по имуществу распоряжение, которым бы оно предоставлялось виновному [10, с. 257].

По нашему мнению, для сомнений в истинности позиции высшего органа России, действительно, есть почва. Прежде всего, возникает вопрос об адекватности квалификации приобретения права на имущество стороной, злоупотребляющей своими процессуальными правами, лишь по ст. 159 УК РФ уровню общественной опасности содеянного. Ведь такая оценка не отражает того обстоятельства, что в подобной ситуации ущерб собственнику либо иному владельцу имущества причиняется опосредованно, посредством причинения вреда правосудию, а именно: отношениям, складывающимся в сфере доказывания, и авторитету судебной власти. К сожалению, далеко не во всех случаях достижение соответствия квалификации рассматриваемого варианта обмана суда принципу справедливости возможно путём обращения правоприменителя дополнительно к ч. 1 ст. 303 УК РФ. Причём причина заключается не только в недостаточной дифференциации ответственности за фальсификацию доказательств по гражданскому делу, как полагают некоторые исследователи, предлагая, например, установить повышенную ответственность за фальсификацию доказательств, повлекшую принятие незаконного судебного решения [3, с. 95]. Ведь далеко не всегда обман суда облекается в форму фальсификации доказательств. Он может выступать и в качестве дачи ложных объяснений истцом, вступившим в сговор с представителем ответчика о признании иска.

Учитывая инвариантность способов обмана вершителей правосудия, отдельные авторы считают целесообразным конструирование нового квалифицированного состава мошенничества, в котором роль квалифицирующего признака будет отдана использованию заведомо незаконного судебного решения [11, с. 12]. Но и реализация такого рода предложения не представляется нам приемлемым решением проблемы уголовно-правовой оценки приобретения права на имущество путём злоупотребления процессуальными правами. В рассматриваемой ситуации потерпевший (собственник либо владелец имущества) не только не делает под влиянием заблуждения никаких распоряжений имущественного характера, но и в большинстве случаев чётко осознаёт отсутствие оснований для получения имущества или права на него у виновного. Противоправность действий последнего, следовательно, потерпевший прекрасно понимает. У самого виновного также, как правило, нет иллюзий относительно восприятия потерпевшим всего происходящего в ходе процессуальной деятельности, по итогам которой незаконно изменяется носитель права на имущество. Используемый недобросовестной стороной судебного процесса способ обогащения соответственно не исчер-

пывается обманом или злоупотреблением доверием, под влиянием которого суд как уполномоченный орган власти не препятствует изъятию истребуемого имущества данной стороной или приобретению ею права на указанное имущество. Здесь явно прослеживаются и признаки открытого хищения, а точнее покушения на него. Причём эти признаки сохранились бы и в том случае, если бы судьи не были обмануты, а находились в сговоре с лицом, посягающим на имущественные интересы потерпевшего.

Естественно, что такого рода деяние вовсе невозможно квалифицировать как мошенничество, поскольку лиц, введённых в заблуждение, нет. Но для претерпевающего имущественные потери ничего не изменилось! Его, с помощью суда, посредством неправоудия, лишили права на имущество. Публичные интересы тоже претерпевают вред: авторитет судебной власти страдает так же, если ещё не в большей степени.

Представляется, что и в последней ситуации, и в той, которая подразумевается в п. 1, абз. 2 п. 4 упомянутого Постановления Пленума Верховного Суда РФ, речь должна идти вовсе не о мошенничестве, а о другом, пока не известном уголовному закону способе незаконного приобретения «права на имущество», причём способе более опасном, чем просто обман или злоупотребление доверием. Здесь не только нарушается не один, а как минимум два объекта уголовно-правовой охраны (отношения собственности и отношения, складывающиеся в сфере правосудия), но и проявляется определённая дерзость по отношению к потерпевшему: право на имущество у последнего отбирается вопреки его ясно выраженной воле.

Суть этого способа может быть охарактеризована как злоупотребление участниками судебного процесса своими процессуальными правами. Учитывая распространённость случаев, когда процессуальные противники прибегают к тому, чтобы использовать суд как орудие захвата чужого блага, российскому, а возможно, и белорусскому законодателью, следовало бы подумать о признании за этим способом его преступного характера. По всей вероятности, необходимо говорить о новой форме хищения чужого имущества либо приобретения права на него.

Литература:

1. Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2008. – № 2.
2. Яни, П. Постановление Пленума Верховного Суда о квалификации мошенничества, присвоения и растраты: объективная сторона преступления / П. Яни // Законность. – 2008. – № 4. – С. 14 – 20.

3. Смолин, С. Обман суда: способ мошенничества или преступление против правосудия? / С. Смолин // Уголовное право. – 2015. – № 1. – С. 91 – 95.

4. Лобанова, Л.В. Суд как орудие мошенника? / Л.В. Лобанова, М.А. Князьков // Материалы Научной сессии, г. Волгоград, 22-26 апреля 2013 г. Вып. 4. Право и юриспруденция. Философия и социология науки. – Волгоград: изд-во ВолГУ, 2013. – С. 313-315.

5. Петров, С. Обман суда как способ мошенничества / С. Петров // Уголовное право. – 2013. – № 6. – С. 40 – 45.

6. Сабитов, Р.А. Уголовно-правовая оценка обманов и действий, совершённых с документами: монография / Р.А. Сабитов, Е.Ю. Сабитова. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 344 с.

7. Горобец, К.В. Мошенничество по уголовному праву России и Франции: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук / К.В. Горобец. – М., 2009. – 27 с.

8. Хабаров, А.В. Преступления против собственности: учебное пособие / А.В. Хабаров. – Тюмень: изд-во Тюменского ун-та, 1999. – 116 с.

9. Беляк, О.С. Ответственность за мошенничество по уголовному праву России: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук / О.С. Беляк. – М., 2006. – 21 с.

10. Фойницкий, И.Я. Мошенничество по русскому праву: монография/ И.Я. Фойницкий. – СПб., 1871. – 254 с.

11. Ильин, И.В. Теоретические основы борьбы с мошенничеством, совершаемым в экономической сфере (уголовно-правовые и криминологические проблемы): автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук / И.В. Ильин. – М., 2011. – 59 с.

УДК 343.35

МОТИВЫ И ЦЕЛИ ЗЛУОПОТРЕБЛЕНИЯ СЛУЖЕБНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

В.В. Лосев,

кандидат юридических наук, доцент

Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина

В ч. 2 ст. 424 «Злоупотребление властью или служебными полномочиями» Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь) и в ч. 1 ст. 285 «Злоупотребление должностными полномочиями» Уголовного кодекса Российской Федерации в качестве обязательных признаков субъективной стороны основного состава зло-